

Репрезентация собственного диалекта в сознании представителей старшего поколения Ильменского Поозерья

Гептинг Эльвира Львовна, Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого (Россия, Великий Новгород), Elvira.Gepting@novsu.ru

DOI: 10.31857/S013161170026399-7

аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с репрезентацией диалекта в сознании его носителей — представителей старшего поколения, проживающих на территории Ильменского Поозерья. Введение и навязывание через систему образования и общественные институты нормированного русского языка как единственного правильного и легитимного не смогло полностью искоренить местный диалект, но и не способствовало формированию его престижа, позитивной репрезентации в сознании носителей. Приводимые из интервью с местными жителями примеры доказывают, что собственный говор оценивается ими в аксиологических категориях по отношению к идеальной норме — кодифицированному русскому языку. Показывается, что высказываемые противоречивые мнения относительно своего говора являются реакцией на ситуацию несбалансированной диглоссии. Кроме того, рассматриваются факторы, способствующие вытеснению региональных говоров на территории Ильменского Поозерья. На примерах речи носителей кратко описывается современная лингвистическая ситуация, характерной чертой которой является неоднородность носителей диалекта с точки зрения языковой компетенции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: репрезентация диалекта в сознании носителей, престиж языка, диглоссия, норма, языковая дискриминация

для цитирования: Гептинг Э. Л. Репрезентация собственного диалекта в сознании представителей старшего поколения Ильменского Поозерья // Русская речь. 2023. № 4. С. 40–50. DOI: 10.31857/S013161170026399-7.

Issues of Modern Russian Language

Dialect Representation in the Minds of the Older Generation of the Ilmen Poozerie

El'vira L. Gepting, Yaroslav the Wise Novgorod State University (Russia, Velikiy Novgorod),
Elvira.Gepting@novsu.ru

ABSTRACT: The article focuses on the reception of the dialect by its native speakers, namely representatives of the older generation living on the territory of the Ilmen Lake district. Despite the fact that the introduction and imposition of standard Russian language as the only correct and legitimate version through the education system and public institutions could not completely eradicate the local dialect, it did not contribute to its prestige and positive representation in the minds of native speakers. The examples from the interviews with local residents prove that they evaluate their own dialect in axiological categories in relation to the ideal norm — codified Russian. It appears that the native speakers have contradictory opinions regarding their dialect as a reaction to the situation of unbalanced diglossia. In addition, the article analyzes factors contributing to the displacement of regional dialects on the territory of the Ilmen Lake district. The examples of the representatives' discourse help to describe current linguistic situation in the Lake district villages, the main characteristic of which is that linguistic competences of the representatives vary.

KEYWORDS: dialect representation in the native speaker's mind, prestige of the language, diglossia, norm, language discrimination

FOR CITATION: *Gepting, L. Dialect Representation in the Minds of the Older Generation of the Ilmen Poozerie. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 4. Pp. 40–50. DOI: 10.31857/S013161170026399-7.*

Статья является промежуточным итогом исследовательского проекта, посвященного репрезентации своего диалекта¹ в сознании жителей Ильменского Поозерья² (поозёров/позёров). Понятие репрезентации языка изучено и описано школой Монпелье (Н. Боуер), исследователями Вио А., Москвичевой С. А. и др. Данная категория необходима для оценки жизнеспособности языка и прогнозирования его будущего. В ходе исследования важно было выявить, сохраняется ли сегодня диалект / диалектные черты на обозначенной территории, и выяснить, каково отношение поозёров к собственному говору. Каковы субъективные представления жителей Поозерья о собственном диалекте и как эти представления проявляются в разговоре?

Материалом для настоящей статьи стали аудиозаписи, сделанные автором в ходе экспедиций 2020—2021 гг. в деревнях Ильменского Поозерья Новгородского района Новгородской области.

Согласно монографии «Диалектное членение русского языка» К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой северо-западное побережье озера Ильмень относится к лингвотерритории западных среднерусских окающих новгородских говоров, специфика которых определяется лишь характерным для них неравномерным распределением мелких ареалов разнодиалектных черт [Захарова, Орлова 2004: 140].

Характерной чертой лингвистической ситуации в Поозерье является то, что носители диалекта неоднородны с точки зрения языковой компетенции. Основными типами, которые выделяются в литературе, являются *fluent speakers*, *semi-speakers*, *terminal speakers* [Dorian 1977: 24; Grinevald, Bert 2011: 49–51], т. е. носители с языковой компетенцией высокого, среднего и низкого уровня. Носители с высоким уровнем компетенции также

¹ Термины «диалект», «территориальный диалект», «местный диалект», «региональный диалект», «говор» в данной работе употребляются как синонимы для определения устной (бесписьменной) формы языка, использующейся на территории Ильменского Поозерья.

² Ильменское Поозерье представляет собой компактную территорию, расположенную к югу от Новгорода. Это своеобразный микрорегион в северо-западной части берега озера Ильмень, простирающийся от Перынской роши до устья реки Веражи.

называются «консервативными». Сегодня в Поозерье имеются все эти типы носителей. Среди опрошенных информантов есть те, кто хорошо сохраняет диалект, есть те, кто сохраняет его хуже или практически не владеет им.

Полевая работа 2020–2021 гг. заключалась в первую очередь в интервьюировании наиболее пожилых жителей Поозерья. Настоящее исследование базируется на данных устных интервью с представителями старшего поколения (75–95 лет), которые оказывались чаще всего консервативными носителями.

Говор поозёров-старожилов демонстрирует относительно хорошую степень сохранности. В речи старшего поколения отмечается явная диалектная фонетика, например неполное оканье, отмеченное практически у каждого информанта-старожила; произношение *у* в соответствии с *о* в начале слова (*угурцы, уперация, уписание, у обрабо́тать* и пр.), нерегулярное произношение *[u]* на месте *ь* в ударном слоге (*ниту, всех, поихать, поисть, дида, хлиб, мисто* и пр.), стяжение гласных в окончаниях *-ая, -ую, -ое, -ие, -ые* (*Так хороша жёнка-то, забольшна?; Я — позёрка рвана пазуха!; Эта-то старинна фотокарточка; Балку нову вставляли; Ново училище; Издили машины гружены; Каки вы позёры?*). В речи поозёров встречаются некоторые лексические диалектизмы (*горазд* — очень, весьма; *забольшный* — хороший, красивый; *озабольшный* — настоящий, самостоятельный; *латка* — посуда для еды; *зелянка* — миска; *стрекава* — крапива; и т. д.), которые отражены в «Новгородском областном словаре» и «Словаре русских народных говоров».

Особенно активно представители старшего поколения поозёров используют разнообразные диалектные грамматические формы и конструкции. Из наиболее типичных черт можно назвать следующие: совпадение дательного и творительного падежей существительных и прилагательных (*Я работала с таким лю́дям забольшным; Косим зелёнку самы косам; Оби́шили доскам; Чай с сухарям; Торговали овощам; Не видела своим глазам*); формы перфекта / употребление причастия в роли сказуемого (*Тут дома оставиши; Тут и родивиши; Все помёрши; Здесь прише́йцы лю́ди*); формы плюсквамперфекта (*Они откуда-то были приехавши*); склонение местоимений по образцу полных прилагательных (*Теи; Тыи только и были*), употребление глагольной форм 3-го лица без окончания (*Он живе; Они дома посидя; Стол стои*).

Все опрошенные нами носители консервативного варианта диалекта оказались женщинами не моложе семидесяти пяти лет, которые постоянно проживают в Поозерье и никогда не покидали этой территории на продолжительное время. В их речи проявляются все вышеперечисленные диалектные черты.

Особенностью среднекомпетентных носителей является высокая частотность свободного варьирования форм и непредсказуемость их употребления [Маньков 2014: 468]: (*уехал/уехавши; придёт/приде* и пр.). Среднекомпетентные носители диалекта — это, как правило, те, кто на протяжении нескольких лет жил в отрыве от родной территории (работал в городе, служил в армии и т. д.) или чья работа в селе была связана с административной функцией, сферой культуры, публичной деятельностью. Опрошенных старожиллов-мужчин можно отнести к носителям диалекта среднего уровня компетенции. Покидая (пусть и временно) родные деревни, они в той или иной степени осваивали кодифицированный русский язык, единственный «легитимный язык» советского общества (путем привыкания, т. е. более или менее долгого контакта с этим языком [Bourdieu 1982: 53]), отвыкая от говора, усвоенного в семье.

В нашей стране с 30-х годов XX века господствовало пренебрежительное отношение к местным говорам, диалектам была объявлена настоящая война. В начале советской эпохи диалекты русского языка объявлялись пережитком прошлого, отклонением от литературного языка, его извращением [Касаткин 2005: 14]. Даже несмотря на существование научного интереса к региональным говорам в советское время (например, проведение экспедиций и фиксация живой диалектной речи в деревнях Новгородской области с 1958 года, составление картотеки региональной лексики и фразеологии), отношение к говорам не менялось. И до сих пор в обществе распространено мнение, что территориальный диалект — это «отсталая» форма языка не очень грамотных людей, региональный вариант языка, который в условиях всеобщего образования должен исчезнуть.

В период коллективизации провозглашалось уничтожение всех проявлений материальной и духовной жизни деревни. Для самих крестьян деревня превратилась в место, откуда надо было любой ценой бежать в город и забыть все, что с ней связано, в том числе и язык. Литературный язык («усовершенствованный код»), таким образом, возводился в ранг абсолютной языковой нормы, так что все прочие языковые практики мыслились отныне лишь как не дотягивающие до этой нормы [Bourdieu 1982: 39].

В Поозерье некоторые сельские жители, даже оставаясь жить в деревне, сознательно отказывались от своего языка. Так, одна из информанток под руководством присланного из города культработника «исправляла» свою диалектную речь на литературную: *Я в сельсовете много лет проработала, дак там надо было выступат и всё прочее... а разговор-то был не такой* (Парасковья Григорьевна Уксусова, 1925 г. р., д. Сергово).

Поскольку в обществе сформировалось устойчивое отрицательное отношение к диалектам, их носители, жители деревень, зачастую подвер-

гались языковой дискриминации: *Когда мама первый раз меня в город взяла, мне 6 лет было, я ещё в школу не ходил. Между собой мы на своём с ней говорили. И как приехали в город: «О! ПАЗёры приехали (они же в городе говорили на А, а здесь на О мы все говорили), ПАЗёры приехали! Ха-ха-ха-ха». Обычно смеялись, если скажешь что-нибудь такое... не как нужно, не по-книжному. И так постепенно мы уже стали стесняться и стараться говорить по-книжному, хотя на О все тут всё равно говорили (Николай Александрович Лукин, 1940 г. р., д. Ондвор). Таким образом, в сознании ребенка рано сформировалась оценка своего языка как чего-то неправильного и ущербного.*

Следующее свидетельство также демонстрирует пример глотофобии (языковой дискриминации) и спровоцированное ею у носителей диалекта чувство неловкости: *Горожане к нашему говору относились с иронией, с издёвкой. Они уже знали нас, что этот край рыбацкий, что такие люди старой закваски, ну, что у них свой говор... Я считаю, что у нас такой... немножечко старославянский уцелел. Молодёжь немножечко стеснялась: городские люди говорят вот так, а у нас... нас сразу узнавали по нашему говору. Ну, позёр тоже не иностранец же. Только и всего шта говор другой (Алексей Павлович Дорожкин, 1933 г. р., д. Ондвор).*

Подвергаемые языковой дискриминации поозёры, пожив в другой языковой среде, возвращаясь в родные края, начинали дискриминировать местных, продолжавших говорить на своём диалекте: *Если, скажем, поозёр послужит в армии 3–4 года, он приходит, уже на него повлияло общение-то с другими морячками-то, с другими людьми, уже говорил он немножечко так... и над нами посмеивался... ха-ха-ха (Алексей Павлович Дорожкин, 1933 г. р., д. Ондвор).*

Для сравнения интересно привести пассаж из этнографической заметки о поозёрах второй половины XIX века: «Но позёры как-то неприязненно смотрят на модные нововведения. Случается, если кто из позёр поживет в Петербурге или в другом каком городе и возвратится на родину в немецком костюме, с произношением в разговорах городских слов, то не только посторонние, но и свои родные будут смеяться над ним, и волей-неволей он должен будет оставить то и другое. В разговоре позёр иногда слышатся славянизмы» [Дубровин 1871: 213].

И здесь мы сталкиваемся с коммуникативной функцией языка: если человек живет в конкретном диалектном регионе и не пользуется диалектом, то он должен быть готов к тому, что его будут воспринимать как чужого. Как мы видим, в XIX веке человек, поживший некоторое время в городе, предпочитал не становиться чужим среди своих и вновь возвращался к родному диалекту. Но уже в середине XX века поозёры, избавившиеся от этого «пережитка прошлого», своего родного диалекта,

и вооружившись «престижным» языком советского общества, не боялись оказаться «чужими» в родном крае, остаться в изоляции, но сами противопоставляли себя коллективу, сохранявшему диалектные черты, подвергая его насмешкам, осознанно шли на нарушение коммуникации.

Пренебрежительное отношение к местному говору учителей сельских школ (особенно приезжих), вымирание деревни, уменьшение числа сельских жителей во многом способствовали вытеснению коммуникативной потребности в местном говоре. В этот период сложилось нечто вроде билингвизма: всё чаще сельские жители стали вынужденно прибегать к «официальному» русскому языку, хотя в семейной сфере жители Поозерья продолжали пользоваться диалектом. Например, один из информантов вспоминает, как со школьной скамьи его отучали от языка, который он унаследовал в родной семье: *Вы бы знали, как здесь по-особенному говорили! Только в нашей местности говорили таким образом. А когда стали в школу ходить, там начали требовать, чтобы говорили, как написано, по-книжному. Учителя нас просто на смех поднимали, передразнивали, а все смеются... ну, это если учителя не местные. И постепенно все стали отвыкать. Но между собой дома говорили по-местному* (Николай Александрович Лукин, 1940 г. р., д. Ондвор).

Ср. Мы учились по книжкам, как в книжке эти говорили слова, и на уроках говорили, как в книжках. Это мы по-своему общались между собой (Нина Владимировна Шабарина, 1941 г. р., д. Заболотье).

Так, местный диалект, распространенный в Поозерье, стал оцениваться по отношению к идеальной норме — кодифицированному русскому языку. Подобная ситуация диглоссии, «неравенства» в использовании языка способствует возникновению идеи *репрезентации языка* в сознании его носителей, которая определяется как иррациональный фактор любви/нелюбви к языку, степень его престижа в языковом коллективе, субъективные представления о его потенциале. Таким образом, связь между его репрезентацией в сознании и языковой практикой вполне реальна и материальна. Идея репрезентации смыкается с понятием языковой нормы и функционированием языка в социуме. Осознание своего языка (диалекта) как «неполноценного», не соответствующего принятой норме, приводит к коммуникативной неуверенности, что, в свою очередь, может найти выражение... в отказе от языка [Вио, Москвичева: 93–94].

Вместе с тем проведенные интервью показывают, что, несмотря на все указанные факторы, препятствующие дальнейшему развитию и функционированию регионального говора, сегодня в деревнях Поозерья среди старожиллов местный диалект все же сохраняет довольно сильные позиции. Он является важным в повседневном общении представителей старшего поколения, однако его статус и престиж в их глазах невысок.

Отвечая на вопрос об отношении к своей речи, носители, как правило, оценивают свой диалект в аксиологических категориях: говорить «неправильно», «некрасиво», «ненормально», «нехорошо», «плохо» или «правильно», «красиво», «нормально», «хорошо»/«лучше», то есть собственный говор оценивается по отношению к идеальной норме. В исследуемом материале много свидетельств существования в сознании носителей диалекта нормы (кодифицированного, «городского» языка).

— *Наречие-то у нас другое. Мы уже взрослые были и понимали, что неправильно говорим.*

— *То есть вы считаете, что говорите неправильно?*

— *Конечно! У меня сын не говорит так, как я. Он по-городскому говорит (Любовь Алексеевна Горбачёва (Гагарина), 1939 г. р., д. Заболотье).*

Основные-то слова теперь я правильно говорю, а так-то окаю (Парасковья Григорьевна Уксусова, 1925 г. р., д. Сергово).

Ну, городски, конечно, оне же красиво разговаривают, не так, как мы (Нелли Лукинична Герасимова, 1939 г. р., д. Заболотье).

Оны [дети и внуки] по-нормальному говорят! По-нормальному! Как городски. Оны уже так не говоря, как я, не. Я говорю приехали. Зачем же им так говорить? Над ними же смеяться будут в городе (Валентина Павловна Мишихина, 1946 г. р., д. Липицы).

Мы не по-нашему говорим, не как нормально... Мне и дети говоря: ты не правильно говоришь (Нина Николаевна Шабарина, 1935 г. р., д. Яровицы).

Оны [дети] лучше нас говорят уже, оны же молодое поколение, оны уже общаются везде, учились там (Нина Владимировна Шабарина (Хватова), 1941 г. р., д. Заболотье).

Так мы-то плохо говорим. Разве говоря топерь, как мы говорим? Все нас считали позёрам. Во, говоря, позёры явились (Антонина Алексеевна Трошкова (Пелина), 1933 г. р., д. Еруново).

Оны-то хорошо говоря [дети], а мы-то плохо, признаюсь! Горзд я вам тут хорошо говорю, ха-ха-ха (Антонина Алексеевна Трошкова (Пелина), 1933 г. р., д. Еруново).

Интервью с пожилыми жителями Поозерья демонстрируют не только отрицательную, но и положительную репрезентацию диалекта в сознании носителей. В высказываниях об отношении к собственному говору, полученных во время устных интервью с носителями диалекта в Поозерье, были представлены не только ирония, чувства стеснения, стыда, ощущения «неправильности» и «ненормальности», но и гордости. Информанты свидетельствовали в пользу диалекта, говорили о нем как о важном

показателе принадлежности к своим корням и как о гаранте Божьего покровительства:

— *Когда в Новгороде жили, не пытались избавиться от деревенской речи?*

— *Нееее! Не! Не! Мне всё говорили Валя да Марина: «Как же это так-то: ты всё по-деревенски говоришь!» А я всё говорю: «Я — истинная крестьянка, позёрка с молоком матери, и я с Богом и со мной Бог». Они говорят: «паехали», а я говорю: «поихали» (Мария Александровна Ерошина, 1938 г. р, д. Липицы).*

Я считаю, что я говорю правильно, потому что, как говорю, так и пишется (Валентина Павловна Мишихина, 1946 г. р., д. Липицы).

Да мы-то говорим, думаю, очень хорошо говорим. Мы-то сами по себе [между собой] хорошо говорим и не замечаем (Нина Владимировна Шабарина, 1941 г. р., д. Заболотье).

Такие различные на первый взгляд мнения относительно своего говора на самом деле представляют собой проявления одной сущности, а именно реакции на ситуацию несбалансированной диглоссии. В подобных случаях уменьшается роль инструментальной функции языка и возрастает роль символической функции: в частности, язык становится маркером идентичности [Вио, Москвитина 2013: 94]. В условиях подавления одного из языков самые разные «предрассудки и фантазмы становятся частью лингвистической ситуации и питают целую гамму поведения по отношению к языку: от чувства стыда и вины до его идеализации, от отрицания до фетишизации, от стигматизации до мифологизации» [Boyer 1990: 106].

Итак, можно сделать вывод о том, что социальная и языковая политика советского времени, вытесняя территориальные диалекты из коммуникативного пространства сельских жителей на протяжении длительного времени, воспитывала в жителях деревни комплекс неполноценности, чувства стеснения и стыда относительно своего родного диалекта, ощущение его неправильности, его несоответствия норме. Негативное отношение к языку деревни на государственном уровне хоть и не смогло полностью искоренить местный диалект Поозерья, но не способствовало становлению его престижа в глазах носителей, формируя у них самые противоречивые чувства относительно своего говора. Сделанные выводы лягут в основу дальнейшего исследования и позволят установить, существует ли корреляция между репрезентацией своего диалекта в сознании пожилых представителей Поозерья и передачей его следующему поколению.

Источники

Клевцова А. В., Петрова Л. Я. (ред.). Новгородский областной словарь. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

Словарь русских народных говоров [Электронный ресурс]. URL: <https://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng> (дата обращения: 27.11.2021).

Литература

Вио А., Москвичева С. А. Проблема репрезентации языка в сознании его носителей в условиях языкового приграничья: к вопросу о потребности в карельском языке // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». 2013. № 1. С. 92–97.

Дубровин С. Позёры в Новгороде (Этнографическая наброска) // Отечественные записки. Санкт-Петербург. 1871. № 7. С. 195–220.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Едиториал УРСС, 2004. 176 с.

Касаткин Л. Л. Русские диалекты в свете языковой политики // Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Academia, 2005. С. 12–16.

Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: проблема структурных изменений в исчезающем языке // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16–19 сентября 2014). М.: Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям, 2014. С. 463–473.

Bourdieu P. *Ce que parler veut dire. L'économie des échanges linguistiques*. Paris, Fayard, 1982, pp. 23–58.

Boyer H. *Matériaux pour une approche des représentations sociolinguistiques. Eléments de définition et parcours documentaire en diglossie* // *Langue française*, 1990, no. 85, pp. 102–124.

Dorian N. The Problem of the Semi-Speaker in Language Death // *International Journal of the Sociology of Language*, 1977 (12), pp. 23–32.

Grinevald C., Bert M. *Speakers and Communities* // *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge University Press, 2011, pp. 45–65.

References

Bourdieu P. *Ce que parler veut dire. L'économie des échanges linguistiques*. Paris, Fayard, 1982, pp. 23–58.

Boyer H. *Matériaux pour une approche des représentations sociolinguistiques. Eléments de définition et parcours documentaire en diglossie*. *Langue française*, 1990, no. 85, pp. 102–124. (In French)

- Dorian N. The Problem of the Semi-Speaker in Language Death. *International Journal of the Sociology of Language*, 1977 (12), pp. 23–32. (In Engl.)
- Dubrovin S. [Posers in Novgorod (Ethnographic sketch)]. *Otechestvennye zapiski*, St. Petersburg, 1871, no. 7, pp. 195–220. (In Russ.)
- Grinevald C., Bert M. Speakers and Communities. *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge University Press, 2011, pp. 45–65. (In Engl.)
- Kasatkin L. L. [Russian dialects in the light of language policy]. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, Academia Publ., 2005, pp. 12–16. (In Russ.)
- Man'kov A. E. [The dialect of the village of Staroshvedskoe: the problem of structural changes in an endangered language]. *Yazykovaya politika i yazykovyye konflikty v sovremennom mire: Mezhdunarodnaya konferentsiya (Moskva, 16–19 sentyabrya 2014)* [Language policy and language conflicts in the modern world: International conference (Moscow, September 16–19, 2014)]. Moscow, Institute of Linguistics RAS, Research Center for National and Linguistic Relations, 2014, pp. 463–473. (In Russ.)
- Vio A., Moskvicheva S. A. [Problem of language representation in native speaker's mind in context of language border zone: stadying need in Karelian language]. *Vestnik RUDN, seriya Psikhologiya i pedagogika*, 2013, no. 1, pp. 92–97. (In Russ.)
- Zakharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoye chleneniye russkogo yazyka* [Dialectal division of the Russian language]. Moscow, Editorial URSS, 2004. 176 p.